

Непохожее сливается воедино, и из различий проистекает самая прекрасная гармония, и всё сущее существует посредством борьбы.

Гераклит

Львиный рык, волчий вой, ярость бури и жало клинка суть частицы вечности, слишком великой для глаза людского.

Блейк

Когда занимается заря, заставляющая живого встать прямо, какого мёртвого она разбудит?

Ригведа

Disclaimer:

Данная книга является художественным произведением. Данная книга не является надёжным источником достоверных биографических, военно-исторических, топографических, технических, антропологических, орнитологических и иных сведений. Все события и персонажи книги вымышлены. Любые совпадения с реальными событиями и персонажами случайны и непреднамеренны. Исключение составляют цитаты с выделением цитируемого текста и точным указанием известного источника. Пересказ малоизвестного, неизвестного или неопределённого источника не является цитатой и может быть художественным вымыслом, как и наличие источника. Реальные исторические события и личности прошлого и настоящего могли послужить только отдалёнными прототипами для создания художественных образов повествования. Теории и гипотезы, излагаемые в книге, не являются научными, это художественные высказывания, раскрывающие идею произведения. Мнения, выражаемые лирическим героем и персонажами книги, не разделяются автором, это художественные высказывания, обусловленные движением сюжета. Автор приносит свои извинения, если слова

лирического героя и персонажей книги задевают чьи-то национальные, религиозные и нравственные чувства, и напоминает, что это художественные высказывания вымышленных персонажей, приведённые в книге для раскрытия их характеров. Лирический герой, от имени которого ведётся повествование, является вымышленным персонажем. Автор приносит извинения за использование лирическим героем и персонажами книги ненормативной лексики, а также за описания сцен секса и насилия. Согласно существующим правилам книга будет маркирована соответствующим образом.

– Почему ты целуешься с открытыми глазами?

Мы сидели на лавке, обитой зелёной искусственной кожей, в «ирландском пабе» на Большой Колюшенной улице. Прошла тысяча лет, и названия паба я не помню. Да и какая разница? Этих пабов на манер «ирландских» или «шотландских» в Петербурге стало так много, что имена потеряли смысл. А я ещё помню время, когда их было всего два или три на весь город, один назывался Foggy Dew и открылся на улице Восстания прямо напротив Митавского переулка, где я жил в комнате, набитой образцами табачного сырья из штата Андхра-Прадеш, Индия. Впрочем, это преувеличение. Образцы табака переехали в соседнюю комнату; в моём жилье от них оставался только стойкий запах. Иногда к терпкому аромату табака примешивался запах марихуаны: это когда я с друзьями и подругами курил марихуану. Так было в ночь, когда со мной остались две восемнадцатилетние студентки факультета иностранных языков; рано утром, поймав такси и поцеловав девушек на дороге, я подумал, что хорошо было бы прямо сейчас умереть. Потому что большего физического счастья человеку всё равно не дано испытать. Когда тебе тридцать лет, когда

ты выпил не слишком много, всего две или три бутылки полусухого вина, выкурил несколько самокруток из натуральной травы (тогда в Петербурге ещё можно было достать настоящую анашу, выросшую под солнцем космического Семипалатинска, а не на гидропонике унылого Амстердама), когда всю ночь ты вытворял чудеса с двумя голыми безупречно сложенными юными телами (с тремя, если считать своё — третьим), которые отдались тебе по любви (вино и марихуана — та же любовь, в жидком и дымообразном виде), когда ранним утром ты выходишь в притихшее лето города, и уже тепло, но ещё свежо от ночной прохлады, и асфальт не устал, и пыль прибита машинами, разливающими по обочинам воду, как в советских фильмах из безмятежного детства, и девушки прощаются с тобой, и губы их шепчут: ты — бог! (хотя немного другими словами и матом), что потом, живи ты хоть сотню лет и завоюй хоть полмира, сможет сравниться с этой минутой чистейшего посткоитального самадхи, с этой нирваной все-исполненности и удовлетворённости? Можно было и умереть, и смерть не была бы тягостной. Просто шаманский трюк, прыжок из экстаза в свет. Почему мы не можем себе этого позволить? Кому и что мы должны? Никому мы и ничего не должны. Секс — это смерть, и смерть тоже как секс. Только секс всегда проходит и никогда не остаётся, а смерть — это секс, который приходит один раз и остаётся с тобой навсегда. Ничего страшного не случилось бы, если бы в то утро я умер от счастья. Я думаю про семидесятилетних старцев, оставляющих последнее дыхание в губах двадцатилетних красавиц, пусть и купленных ими за деньги. Трупы стариков тайно перевозят домой, придают их кончине благообразный вид и сообщают, что патриарх

почтенного семейства, мэр и меценат, скончался на руках у своей безутешной супруги в окружении рыдающих сыновей. Хотя почему и зачем? Разве смерть от разорванного оргазмом сердца хуже, чем от врачебной ошибки, от оторвавшегося тромба, обширного инсульта или внутреннего кровотечения? Разве лучше умереть в больнице под капельницей, или за рабочим столом в кабинете, или в лифте, или на площадке перед собственной дверью? Мужчина, умерший во время любви, достоин такого же почёта, как воин, павший в кровавом бою! Для воинов секса в загробном мире будет своя Вальхалла: в ней они будут каждую ночь покрывать сотни прекрасных самок и к утру умирать на пике блаженства; а вечером Фрей и Фрейя воскресят их для новой любовной битвы. Если мне суждено дотянуть до преклонного возраста, я хочу умереть в борделе. Или в монастыре. Но если повезёт, то в борделе.

Тогда я не умер. Возможно потому, что понимал: физическое счастье, даже такое глубокое, всё равно что лужица в следе от телячьего копытца, по сравнению с безграничным блаженством. И, купаясь в лужице удовольствий молодого, здорового и грамотно подкреплённого алкоголем и наркотиками организма, встречая лучи восходящего солнца, я щурил глаза и видел свою радость как каплю в океане, который тоже станет мне доступен в свой срок; может быть, через десять или через десять миллионов жизней. Счастье обязательно будет нашим. Оно всегда было нашим, поэтому мы достигнем счастья, достигнем блаженства с той же неизбежностью, с какой каждый день клонится к вечеру, а каждая жизнь встречает смерть. Счастье неизбежно. Мы не сможем найти такой путь, на котором было бы воз-

можно уклониться от неминуемого блаженства. Поэтому выпиливаться из реальности не обязательно. Но если вышел, то и это хорошо. Куда бы ты ни шёл, в конце пути тебя ждёт одно и то же вечное и бесконечное наслаждение.

Иногда к запаху табака примешивался дым сигар Погарской сигаретно-сигарной фабрики, как было в ту ночь, когда мы переспали с Синтией. Продуманное решение, у Синтии всё было всегда продумано. Ещё, помню, было два случая. Или двадцать. Табачная комната работала как конвейер счастья. Заходили вечером девушки, всегда юные, немного печальные и неуверенные в себе, а утром из железной двери Митавского переулка вылетали, не касаясь земли, сияющие богини. Что касается Foggy Dew, в одном из своих романов я рассказал о том, как пил в нём с девушкой, которая после паба отправилась ко мне на ночёвку. Ничего подобного. Ни в каких пабах, ирландских или шотландских, никаких свиданий у меня никогда не было. Просто мне раньше нравились эти заведения, нравилось «крафтовое» пиво, когда оно ещё было редкостью, нравился даже идущий фоном на большом телевизоре постоянный футбол; либо правильная музыка, какую не услышишь на радиостанциях FM-диапазона, и дерево, и кожа зелёных свиней на скамьях. Мне уже давно всё равно. В тот паб я зашёл просто для того, чтобы опростать свой стареющий и слабый мочевого пузырь, и взял заодно кофе; а она зашла с мороза. Раскрасневшаяся.

— Почему ты целуешься с открытыми глазами? — так она спросила, чуть отстранив своё лицо от моего, чтобы увидеть моё лицо своими синими открытыми глазами всё, целиком. Может, она спросила чуть-чуть не так. Может, она ска-

зала: «Почему ты не закрываешь глаза, когда целуешься?» Или: «Почему, когда ты целуешься, у тебя открыты глаза?» Я не помню. Говорю же, прошла тысяча лет. Но дело было в глазах: в моих открытых, с блуждающими зрачками, и в её доверчиво запахнутых трёхцветными (после макияжа), как флаг Франции, веками и гардинами удлинённых ресниц.

— Мужики всегда целуются с открытыми глазами, — так я сказал. Хотя нет. Я сказал не так. Я сказал: «все мужики целуются с открытыми глазами», а она покачала головой и сказала: «нет», и я подумал о том, что у неё было много мужчин, которые целовали её, и с открытыми, и с закрытыми глазами, и мне стало больно. Лучше бы я сказал: мужики всегда целуются с открытыми глазами, а она спросила бы: почему, и я, улыбаясь, объяснил бы: мужчине надо контролировать территорию, следить за развитием событий; вдруг, пока мы целуемся, кто-то захочет на нас напасть? Кто? — спросила бы она. А я бы ответил: не знаю. Например, саблезубый тигр. Или вон тот подозрительный тип с газетой. Она рассмеялась бы. И было бы хорошо. А ещё я испытал дежавю. Потому что уже слышал этот вопрос, или читал про него, и это вообще какой-то устойчивый образ в романтической литературе, но я опять ошибся, отвечая. Если вас спрашивают: «почему ты целуешься с открытыми глазами?», никогда не отвечайте «все мужики целуются с открытыми глазами», потому что девушка скажет или подумает: «нет, не все, я знала и таких, которые целуются, закрывая глаза», — и вам будет больно; лучше отвечайте «мужики всегда целуются с открытыми глазами», это будет звучать так, что *настоящие* мужики не закрывают глаза, целуясь; а те, кто у ва-

шей девушки были раньше, они и не были настоящими мужчинами, всё это не важно и несерьёзно, и мы вычёркиваем этих придурков из нашего настоящего и нашего будущего.

И в этот день, кстати, я тоже мог бы умереть, и это было бы прекрасно. Смерть — это всегда здорово. Особенно добровольная, осознанная, свободная. Свободная любовь и свободная смерть — вот то, к чему мы всегда стремимся. Несвободная, вынужденная смерть — это как секс в браке для зачатия детей. Нечто нужное, полезное, даже необходимое. Но никакого кайфа. Я хотел поговорить об этом, и я спросил:

— Ты читала Сэлинджера, «Хорошо ловится рыбка-бананка»?

Она сказала: кажется, нет. Я читала Ремарка.

Это ужасный ответ. Я думаю, это ужасный ответ. Почему люди так отвечают? Вы спрашиваете: нравится ли вам плавать в океане с дельфинами? А вам говорят: нет, но в прошлую субботу я приготовила салат с тунцом. И вроде бы это про одно и то же. Но что-то всё же не то. И потом, Ремарк. Почему все читают Ремарка? У меня была когда-то девушка, её звали, чёрт побери, уже и не вспомнить, Рита, она любила Ремарка. Боюсь, она не так много читала, чтобы хоть что-то понимать в литературе, но Ремарка, да, его она прочитала, и ещё, кажется, Фолкнера. Но у меня никогда не было девушки, которая читала Сэлинджера. Моя жена прослушала несколько часов лекций про Сэлинджера, начитанных на видеокамеру модным профессором, но самого Сэлинджера, кажется, так и не прочла. Никто ничего не читает. А если кто-то что-то читает, то только Ремарка или Фолкнера. Лучше бы вообще ничего не читали.

Я рассказал: в отеле молодая супружеская пара. Молодая жена разговаривает по телефону со своей мамой. Они обсуждают платья, врачей и то, что её муж, вероятно, душевнобольной. Молодой муж на пляже разговаривает и купается с маленькой девочкой. Он рассказывает ей про «рыбку-бананку», которая в подводной пещере объедается бананами и умирает от банановой лихорадки. Потом возвращается в номер. Смотрит на спящую жену. Достает револьвер и пускает себе пулю в висок.

Она сказала: вспомнила. Я это читала. Кто-то записал «ВКонтакте» на своей страничке, и я прочла. Я не знала, что это Сэлинджер. Я думала, это просто что-то такое. Из интернета.

Я посмотрел на неё с уважением. Может быть она читала не только Сэлинджера, но и Монтеня, и Платона, и Лао-цзы, и Шукшина, и Терехова, и Джойса, и Гомера, и Калидасу, просто не знала, чьё это всё, думала, что это из интернета, и какая разница, в сущности, ведь так оно и есть.

Есть различные версии интерпретации «рыбки» Сэлинджера. Одни говорят, что Симор Гласс, молодой муж, травмирован войной, не может примириться с обывательским мирком своей жены и потому решает умереть. Другие, напротив, что герой решает кончить с жизнью, как бы это двусмысленно ни звучало, на пике счастья, от полноты бытия. Почти как я в то утро после марихуаны и группового секса. Но мне кажется ключ в названии. По-английски оно звучит так: Perfect day for bananafish — совершенный день для бананарыбки. И имеется в виду: совершенный день для смерти. Именно потому, что для смерти каждый день совершенен. Смерть может сделать каждый день совершенным. Для смерти подходит любой день и любой возраст.